

Н. Н. БЕЛОВА, М. Я. СЮЗЮМОВ

К ВОПРОСУ О КРИЗИСЕ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В III В.

С конца II в. и до конца III в. политическая история Римской империи и связанные с нею экономические и социальные явления представляют сложную для понимания картину как бы отступления от закономерного развития. Мы вправе называть III в. кризисным тем более, что в последующем IV в. в империи произошел крутой перелом в политических, экономических и идеологических отношениях. Проблему о сущности кризиса III в. можно разрешить только с точки зрения марксистско-ленинской методологии — объективной диалектики вещей, поскольку каждое историческое явление есть «сумма и единство противоречий» (В. И. Ленин. ПСС, т. 29, с. 202), причем находящееся в «вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их» (там же, с. 177), после чего появляются новые противоречия и новые попытки разрешения их.

В движении явления изменяются, потому для их изучения следует соблюдать положения ленинского историзма — развития по этапам (В. И. Ленин. ПСС, т. 39, с. 67). Экономический способ производства не есть некая стабильная модель, но явление в движении по этапам развития, расцвета и разложения. При этом каждый этап развития формации вызывал специфические противоречия. Эти противоречия в классовых обществах, связанные с борьбой в сфере производственных отношений, борьбой внутриклассовой и межклассовой, и создают так называемые *кризисы*.

В развитии определенного способа производства могут возникать кризисы в устройстве государственных форм организации власти в интересах определенных прослоек господствующего класса, могут быть кризисы внешнеполитического характера, острые кризисы могут происходить от вражды трудящихся к эксплуататорам.

Поскольку, в конечном счете, способ производства является определяющим состоянием общества, легче всего было бы при всяком развитии противоречий объяснить их непосредственно состоянием способа производства. Но это было бы проявлением экономического материализма. Ведь порожденные материальными отношениями элементы надстройки могут самостоятельно развиваться, со своей стороны влияя на материальный базис.

В советской историографии распространено мнение, что кризис III в.

есть кризис всего общественного строя, основанного на рабовладельческом способе производства, когда рабство перестало «уже» удовлетворять запросы общества¹. Но можно ли назвать кризисом рабства этап его развития, когда продукты рабского труда не могут достаточно удовлетворить потребности государства? Ведь мы знаем из истории человеческого общества, что один рабский труд *нигде и никогда* не мог удовлетворить потребности государств, развития культуры, величия народности, — для этого приходилось или использовать насильственно все население страны через государственные повинности, или собирать богатства войнами, путем грабежа или дани. Отношение прибавочного труда, полученного от рабов, к труду свободного населения определялось развитием общества на данном этапе. Отсюда невозможно понять сущность кризиса III в., не учитывая положения свободной части населения в его эволюции, которое зависело не только от состояния рабства на том или ином этапе его развития, но и ряда других факторов.

В отношении кризиса нужно отметить еще одно важное обстоятельство. В классовом обществе всегда огромное большинство отрицательно относилось к установленным производственным отношениям. Люди говорили о «золотом веке» прошлого, но считали существующие порядки непреодолимыми, так как не знали, как организовать иной, более выгодный для них, строй; люди не видели альтернативы и считали установленные условия жизни естественными. Были мечтатели, философы, утописты и теоретики, вникавшие в сущность противоречий строя. Но поскольку каждое явление существует только в динамике, в каждом строе имеются (В. И. Ленин. ПСС, т. 1, с. 181) пережитки старого, основы существующего и зачатки будущего. В процессе вечного движения появляются элементы новых производственных отношений. *Только тогда, когда в жизни начинают понимать о существовании альтернативы данному строю, только тогда может существовать подлинный кризис всей данной формации*².

Поэтому общий кризис (но не конец) рабовладельческого строя начинается тогда, когда появляются удачные, оформляемые в праве, формы новых видов и методов накопления прибавочного продукта, новые формы способа производства. Для Римской империи такие условия создались только в IV—V вв.

* *
*

Для уяснения проблемы кризиса III в. необходимо через определения диалектического развития Римской империи проследить возникновение противоречий и их разрешение.

Архаическая *община*, объединявшая узкоаграрный натурально-хозяйственный коллектив (хотя и имевший начатки разделения труда, даже духовно-жреческого), в период Римской республики трансформировалась в *городскую общину*, так что каждый деревенский мелкий собственник мог себя считать горожанином³. При этой трансформации частная собственность *res privata* стала направляющей, ведущей в хозяйстве⁴, диалектически связанной тем не менее с государственной

собственностью *res publica* в процессе регулирования государством деятельности свободных граждан — квиритов. Разумеется, государственное регулирование проводилось в интересах господствующей прослойки — собственников рабов и землевладельцев. Все должности, дающие право на регулирование общественной жизни, предоставлялись более крупным и родовитым собственникам, даже после удачного выступления плебеев. Это, естественно, вызывало противоречие, борьбу бедных против богатой родовитой верхушки. Такое противоречие разрешалось, с одной стороны, объединением всех свободных граждан перед все увеличивавшимся количеством рабов и, с другой стороны, наступательной внешней политикой в целях добычи, что было в интересах всех римских граждан. Главная цель *полиса-государства* — *концентрация*⁵ в Риме всех доходов от грабежа или власти над побежденными городами. Эта политика привела и к концентрации рабов во владениях Рима, дала возможность перейти к относительно более крупному рабовладельческому хозяйству, поставить вопрос о продуктивности рабского труда, так сказать, в своеобразной «научной организации» труда рабов в трактатах Катона и Варрона. Но эта концентрация богатств в Риме вызвала серьезные противоречия внутри римских граждан и привела к борьбе за распределение этих богатств. Это противоречие было частично разрешено: 1) наличием особой формы управления через народные собрания и сенат, когда борьба приобретала особый легальный характер; 2) наличием идеологии о величии Рима и о долге каждого гражданина перед родиной; 3) преимущественным положением всех граждан Рима как завоевателей над населением подчиненных городов, что давало возможности обогащения; 4) общественным использованием богатств в виде элементов культуры и развлечений; 5) возможностями социального вертикального восхождения через обогащение военной добычей и торговлей и особенно через сознание свободными гражданами единства интересов перед все обостряющимися выступлениями рабов. В условиях римского права, основанного на частной собственности и свободе предпринимательства⁶, предоставленной каждому гражданину, внутренние противоречия были неустранимы. Но основную власть сохраняла в городе-государстве, хотя и в обостряющейся обстановке, аристократическая родовитая прослойка. Внешнее развитие Рима от города к мощному государству связано было с противоречиями в организации власти над подчиненными городами.

Но каким образом Рим мог сохранить власть над завоеванными свободолюбивыми городами, даже странами и народами? Мы можем это объяснить только особой *выгодой для завоеванных состоять в единстве с Римом*. Закономерное развитие рабовладельческого строя тормозилось наличием множества отдельных самостоятельных и враждующих между собою общин-городов; расширяющиеся элементы интеграции, торговли и культуры требовали более широкого единства и общности интересов. Именно на этом пути можно было преодолеть противоречия и закрепить *создание Римской общности в интересах господствующей верхушки городов*, тоже терзаемых внутренними противоречиями. Политика Рима — поддержка в подчиненных городах

власти богатой прослойки. При этом Рим стремился укрепить свою власть путем предоставления наиболее влиятельным лицам римского гражданства. Проводя политику концентрации в Риме богатств подвластных городов, римляне гарантировали местной знати права эксплуатации низов населения. Проводя такую политику, Рим фактически становился центром рабовладельческого класса всего Средиземноморья. При сознании общности интересов все шире проводилось предоставление прав римского гражданства (в Италии с 89 г. до н. э. все италийские города получили права по Lex Plautia Papiria).

Противоречия между Римом и получившими права городами тем не менее существовали и преодолевались политикой романизации внутреннего управления этих городов по примеру порядков управления в Риме (Закон Юлия Цезаря в 45 г. до н. э. Lex Julia municipalis). Местные деревенские общины (vici) подчинились городскому управлению. Подобная муниципализация стала проводиться и в провинциях, так что родо-племенная община античности трансформировалась повсеместно в городскую одновременно с романизацией населения. Но нельзя считать, что мелкое крестьянское хозяйство потеряло значение как в фискальном, так и в военном отношении⁷.

С развитием товарного обращения облегчились возможности путем обогащения добиться получения прав римского гражданства квиритов. Однако такое объединение внесло новое противоречие: если города и села включились в Римское государство, то новые полноправные граждане не могли уже удовлетворяться гарантией собственности и самоуправлением, вопрос возникал уже о возможности *включиться в управление государством на одних правах с римлянами*.

В последней трети I века до н. э. особенно остро стало проявляться противоречие: Рим, ставший уже не простым полисом, а мощным государством, общностью рабовладельческого господствующего класса, все еще управлялся как старинный полис: в основном сенаторской родовой знатью города Рима и народными собраниями города Рима. Это тормозило развитие Римского государства как общности господствующего рабовладельческого класса. Это противоречие разрешено было организацией *принципата*.

* * *

Романизация проводилась с сохранением главного противоречия: *завоеватель* Рим, проводящий концентрацию богатств в Рим, и *завоеванные*, вносящие подати Риму. При завоеваниях чувствовались и этнические противоречия. В Италии эти противоречия смягчились тем, что все население легко стало единой этнической общностью. В I—II вв. при принципате в завоеванных варварских странах Галлии, Иберии, нижнего Рейна и придунайских странах, несмотря на некоторые происходившие восстания, римлянам удалось почти полностью, кроме Британии, преодолеть противоречия этнического характера путем ассимиляции и колонизации. Представители господствующего класса как Италии, так и провинций стали вводиться в состав римского сената,

армии, управления и в развитие римской культуры. На Востоке, в провинциях греческой цивилизации, Рим принужден был проводить «грекоязычную» романизацию, устанавливая государственным латинский язык, и сохранять тем не менее греческий язык, даже как преобладающий в культурных связях⁸. Поскольку Римское государство являлось общностью господствующего рабовладельческого класса, этнические проблемы не носили уже решающего характера ни на Востоке, ни в Африке, достаточно было вовлечь свободных собственников в римскую государственность, чтобы все считали себя римлянами, несмотря на то, что сохраняли свою народность греки, сирийцы, армяне, грузины, копты... Внутримская колонизация, военная служба, торговля, культурные связи фактически на долгое время, так сказать, затормозили этническую проблему в рамках государственности и социальных противоречий.

Политика противопоставления «завоеватель — завоеванные» противоречила созданию общности господствующего класса. Поэтому при принципате стали выдвигать проблему социального мира (Pax Romana)⁹, что в свою очередь обострило внутриклассовые противоречия. Поскольку же рабовладельческий строй диалектически связан со спецификой структуры рабовладения, рабовладельческий способ производства перешел на новый этап своего развития.

* * *

Pax Romana был необходим для всех носителей частной собственности. Господствующий класс был удовлетворен жить под эгидой Римского права! Все собственники-горожане называли себя римлянами и как бы считали счастливым тот день, когда их предки лишились своей независимости. Но политика «римского мира» имела своей задачей и смягчить противоречия власти с интересами низшей прослойки свободных горожан, и деревенских мелких землевладельцев, и рабовладельцев. Интересы фиска противоречили интересам городской состоятельной прослойки и в то же время были диалектически с ними связаны, так как развитие городов как центров эксплуатации через курию было необходимо и для фиска; города в своем самоуправлении сделались промежуточными центрами концентрации в пользу Рима¹⁰. Римское право способствовало развитию торговли, ремесла, культуры. Именно при принципате усилилась деятельность юристов, которые принимали участие в оформлении законодательства, даже в периоды правления «самых худших» императоров. В законах делались попытки смягчения противоречий между требованиями фиска и интересами широких масс мелких и средних собственников и плебса: 1) путем укрепления в законах свободы предпринимательства и в то же время регулирования общественных связей установлением прав свободной договоренности экономического порядка — облигационного права *locatio-conductio, emptio-venditio, creditor-debitor*¹¹; 2) путем предоставления полных гражданских прав и земельной собственности после службы в армии; 3) в пользу плебейских масс городов требовалось, чтобы

богатые собственники города через курию организовывали продовольственное снабжение, устанавливали доступные цены, устраивали празднества, зрелища; 4) проведением широкой легализации ремесленных и культовых объединений, коллегий и 5) возможностью гордиться тем, что он — свободный римлянин, а не раб, не презренный варвар.

* * *

Идея *Pax Romana* не была простым лозунгом. Во внешней политике это было переходом от наступательной политики к оборонительной: оставшиеся независимыми страны на Западе не представлялись выгодными для получения добычи, но вызывали только трудности войны. Притом политика «мира» стала более полезной для взаимных связей и для распространения римского влияния. *Pax Romana* в данном направлении содействовал укреплению и развитию интеграции, развитию предпринимательства, обогащения. Однако это достижение в то же время вносило новые противоречия, которые значительно осложняли положение, создавая новый «экономический климат» в обществе. С расширением производственных возможностей и доходов в концентрации богатств со всего мира значительно возрастали и потребности как у господствующего класса, правителей, так и материальные запросы у широких масс. Возрастание потребностей — одна из ведущих сил, направляющих изменение структуры общества и приводящих к новым противоречиям¹². Всякая предприимчивость безусловно связана с гражданскими правами. В I и II вв. гражданство давало возможности богатым использовать свои права среди неполноправных, а низам — повысить свое стремление к социальному продвижению путем труда и изобретательства.

Традиционные рабовладельческие хозяйства типа Катона, Варрона, Колумеллы не могли уже удовлетворять запросы общества. Незаинтересованность и несамостоятельность рабского труда была тормозом для повышения производительности и доходности поместья. В сферах господствующего класса это противоречие частично стало разрешаться путем новых отношений к рабам. Это привело к популярности философии стоицизма. Раб уже стал признаваться человеком. Рабам стали доверять самостоятельно вести ремесло и торговлю. Стал разрастаться институт пекулия с рабом-ординатором во главе викариев¹³. Тем не менее раб оставался рабом.

Добиться свободы путем вооруженной борьбы в условиях принципата, когда государственный аппарат был хорошо налажен и когда всякие выступления пресекались в зародыше, было невозможно, отдельные убийства господ оказывались бедствиями для самих рабов — законодательство было ужасно. Бегство рабов обычно оканчивалось неудачей. Но все-таки свобода была заманчива. Окружающая обстановка, возможности свободных граждан обогащаться путем предпринимательства стимулировали рабов к легальной борьбе за свободу, которая могла быть оформлена только путем манумиссии. Этот стимул привел к тому, что труд раба становился заинтересованным, самостоя-

тельными, даже изобретательными. Сенека в письме к Люцилию перечисляет некоторые изобретения: «Все это придумано ничтожными рабами!» (90, 25)¹⁴. «Все свое достояние, скопленное за счет своей утробы, они отдают за свободу» (80, 4). Рабский труд, таким образом, под влиянием окружающей обстановки стал более ценным. Рабовладельческий способ производства при влиянии стоицизма приходил не к кризису, а к своему развитию, и законодательство стремилось регулировать отношение к рабам, избавляя последних от безумной жестокости господ и в то же время прикрепляя раба своими надеждами на манумиссию или хотя бы на пекулий. Особых самостоятельных вооруженных выступлений рабов в I—II вв. не отмечается в источниках. Регулирование отношения к рабам было в интересах не столько рабов, сколько господствующего класса (*dominorum interest*, как отметил Антоний Пий; Инст., I, VIII, 2).

Возросшую потребность рабовладельческой знати и правительства не могли удовлетворить ни повышение производительности труда рабов, ни доходы от арендаторов и ремесленников. Требования государства, знати все возрастали, и это приводило к противоречивым поискам новых источников концентрации доходов. Если трудно было добыть средства для окружения принцепса, для роскоши и блеска Рима, то принцепс прибегал к давлению на свободное население. Легче всего было проводить по доносам конфискации у крупнейшей сенаторской знати. Это практиковалось, но противоречило основному направлению политики в интересах господствующего класса, такие принцепсы кончали жизнь как тираны, осуждаемые со злобой всеми современниками. Другой путь — обложить налогами и повинностями городских средних провинциальных собственников. Это тоже было противоречиво, так как для силы и могущества Римской империи было необходимо сохранение и развитие городов, интеграции, культуры и такое обложение налогами тоже осуждалось как губительное для империи. К тому же именно средние слои рабовладельцев были основной опорой режима I—II вв. Римской империи. Основным средством получения доходов для казны, для удовлетворения потребностей фиска было обложение налогами и повинностями массы мелких свободных собственников как в городах, так и в оставшихся *pagi, vici*. Стали усиленно облагаться налогами ремесленники, торговцы и все свободное население. Императоры, философы и римские юристы осознавали тяжесть налогов для населения, постепенное обнищание мелких хозяйств и затруднения от средоточения бедноты в крупных городах. Развитие товарного обращения, ужасные последствия ростовщичества, засилия откупщиков и правителей, задолженность арендаторов — все это приводило к нарастанию внутренних противоречий.

* * *

«Политика мира», *Pax Romana*, в отношениях с варварами вызвала особые противоречия и была двойственна. С одной стороны, Рим перешел (кроме Траяна) от наступательной политики к оборонитель-

ной, но, с другой стороны, Рим не отказывался от тенденций господства над варварами. Мир с варварами, на первый взгляд, был выгоден. Вместо дорогих войн рабов можно было покупать от самих варваров, для которых раб был своего рода валютой в торговле. Через культурное влияние Рим мог привлекать на свою сторону часть варварской знати, которую использовал в качестве союзников. Но возникало противоречие: предоставляя варварам свободно развивать свои родоплеменные устои, трудно было объединять интересы экономически и социально противоположной знати, римской и германской. Германская знать развивалась в направлении к военной демократии, когда основным видом предпринимательства были войны и грабеж, тогда как римская знать развивалась на усилении эксплуатации, производственной, торговой, ростовщической и административной. «Политика мира», с одной стороны, развивала возможности интеграции, с другой,— чем больше варвары знакомились с римской культурой, тем опаснее становились они для Рима. В результате римлянам приходилось военизировать *limes*, строить укрепления, создавать военный флот, содержать полумиллионную армию, отвлекая массу свободного населения от производительного труда и увеличивая многократно налоги. Но политика *Pax Romana* вызывала еще одно противоречие: все преимущества на войне имели в данных условиях варвары. Наступательные порывы варваров связаны были с закономерностями последней стадии родоплеменного общества, с легкостью и быстротой мобилизации: не нужно иметь ни денежных затрат, ни обозов. Легко было собрать молодежь, прорвать фронт где-либо неожиданным нападением, вести далее войну за счет снятия урожая в деревнях и разорения городов. И поражения варваров ни к чему не приводили, поскольку через некоторое время можно было снова собрать людей для нового нападения. Такие войны могли доставить варварам богатства, военный опыт, мощь племени и вели к еще более решительным нападениям. Общественный строй Рима был чужд варварам, но это делало их более настойчивыми в планах грабежа и завоеваний. Парадоксально, но развитие мирных культурных связей в исторической ситуации I—II вв. н. э. стало опасностью для существования великой культуры на Западе в дальнейшем¹⁵.

Преодолевая противоречия и трудности, Римская империя в I—II вв. н. э. продолжала быть общностью господствующего класса рабовладельческого строя и на большей части своей территории вплоть до конца II в. могла пользоваться благами «мира». Тенденции к единству всех внутренних сил империи (особенно при обострении внешней опасности) сказывались в распространении прав полного римского гражданства на все свободное население страны. Римским юристам Папиниану и Ульпиану удалось завершить и оформить эту тенденцию. С 212 г. все свободное население могло считать себя полноправными римскими гражданами (кроме дедитициев, перизков, некоторых слабо романизированных областей). Реформа фактически отражала то, что распространялось на практике, и потому в источниках слабо отражена. *Проблема «завоеватели и завоеванные», таким образом, была снята.*

Но тем сильнее выявлялись противоречия экономического и социального порядка: катастрофическое обеднение масс в результате повышающегося налогового обложения, развивающаяся военная опасность — все это было непреодолимо и вело к кризису III в. Этот кризис коснулся в первую очередь положения всего свободного населения страны, положения римского гражданства.

Все остатки полисной идеологии исчезли: понятие свободного гражданина полиса связывалось с некоторыми привилегиями, частично с использованием прибавочного продукта от труда рабов. Теперь же все стали гражданами Рима, привилегии в результате стечения всех богатств в Рим имели только жители Рима, а свободные были только основным объектом обложения. Само понятие гражданской свободы было дискредитировано, поскольку свободный гражданин, обремененный налогами и повинностями, обязательствами перед локаторами и ростовщиками, фактически в широких массах был лишен средств к существованию, должен был искать работы, при этом бедняк, не имеющий имущества в 50 фунтов золота, был ограничен в некоторых правах. Единственный путь устройства жизни для многих был или идти в услужение к богатому хозяину, или же попытаться делать карьеру, поступая в армию, что было реальным в условиях организации власти с конца II в.

Дискредитирование понятия свободы отразилось и на положении рабов. Исключительная старательность и изобретательность рабов, стремившихся получить статус свободного, исчезла, поскольку рабам делалось ясно, что бедняки «свободные» стали жить хуже, чем рабы. Ведь рабы, хотя и страдали от своеволия господ, но имели все для жизни¹⁶. Отмечались случаи даже, когда «свободные» добровольно переходили в рабство. Рабский труд стал проявляться со всеми недостатками — полной незаинтересованностью, безынициативностью. Иметь пекулий — единственная «карьер» раба, которая, давая некоторую самостоятельность, фактически закрепляла его рабство: в предпринимательстве, торговле, рабовладении полностью равняла его с прочими свободными гражданами, но не давала никакой гарантии от произвола господина над личностью раба и его имуществом. Только экономическая выгода от пекулия умеряла своеволие рабовладельца. Значительное развитие пекулия в III в. — тенденция к переходу рабовладельческого строя на последний этап его развития с IV в.

Важно отметить, что, несмотря на красивые положения стоиков и христиан о рабах, несмотря на некоторое смягчение обращения с ними в результате ряда правительственных эдиктов, нигде не поднимался вопрос о полном освобождении всех рабов, об уничтожении этого института. Рабство еще не доставляло экономической невыгоды от его использования. Страх перед возможностью восстаний рабов несколько отошел на второй план. Рабы убегали, но к другим, более снисходительным господам, или же, скрывая свой статус, находили работу, а в крайнем случае вступали в банды *latrones* грабить проезжих. Обладание рабами по-прежнему считалось богатством, раб представлял собою ценность и в производстве, и в быту. Безусловно, рабы сознавали бесчестие своего статуса, в этом они были в оппозиции к существующему

строю, но самостоятельное их выступление не могло привести к революционной ситуации, ведь самые озлобленные рабы мечтали не об уничтожении рабства, а о том, чтобы «первые стали последними», чтобы господа стали рабами, а рабы господами. Такие мысли проводил у самых радикальных христиан в III в. Коммодиан.

В III в. ярко обнаружилось полное несоответствие потребностей господствующего класса и империи существовавшим производственным отношениям, в частности формам эксплуатации свободного населения. Так как рабский труд не мог покрывать все потребности, а эксплуатация свободного человека на основах частного римского права носила спорадический характер, не приносила постоянного дохода ни крупным рабовладельцам и землевладельцам, ни империи, она не давала средств для поддержания античной цивилизации. Необходимы были поиски *новых форм эксплуатации, которые могли бы упрочить доходность поместий как дополнение к труду рабов*. Эксплуатация свободного человека была крайне ограничена в формах аренды и ростовщичества. Но не было еще альтернативы для широкого внедрения эксплуатации свободного человека. Между тем проблема использования свободного труда обострялась, ценность самостоятельного инициативного мелкого хозяйствования становилась бесспорной.

Концентрация доходов правительством очень тяжело стала отражаться на положении городской господствующей прослойки, которая беднела¹⁷ и искала возможности добыть средства для выполнения обязанностей курии. Это отразилось особенно остро на землевладельцах — мелких собственниках, арендаторах, колонах, потерявших свою собственность на землю в тех селениях, которые были приписаны к городу¹⁸. Остро в III в. стоял вопрос и об обложении муниципальными налогами и повинностями этих территорий. Город стремился локально концентрировать в свою пользу прибавочный продукт свободного населения в деревнях. Несмотря на эдикт 212 г., *rustici* ограничивались в своих правах¹⁹, считались перизками в некоторых областях. И хотя формально все главные виды эксплуатации в сельском хозяйстве проводились на основании личной договоренности, оформляемой в праве как *locatio-conductio*, законы в III в. юристами истолковывались фактически в пользу богатых землевладельцев. Так, локатор мог нарушить соглашение в любой момент и выгнать арендатора раньше срока договора, а кондуктор-арендатор не имел права уйти не только до окончания срока договора, но лишь после полной расплаты за аренду и покрыв все виды ущерба, причиненного локатору²⁰. Стремясь теоретически показать значение договоренности, юристы III в. неоднократно отмечали в конституциях запрет задерживать арендаторов после окончания срока. Но как раз это в конечном счете оказалось в III в. невыгодным не только локаторам, но и самим арендаторам²¹. Локаторам важно было иметь постоянно обрабатываемый, дающий доход участок. Между тем в процессе общего обеднения свободных все меньше лиц стремилось быть арендаторами. Сельское хозяйство обезлюдивалось. И понятно, что локатор стремился задержать арендатора и потому был заинтересован не в повышении доходности уча-

стка, стремился выжать все, что можно от кондуктора, разорить его, чтобы из-за задолженности кондуктор не мог бы бросить работу на участке. Задолжавших арендаторов хозяин даже мог передавать по завещанию. Естественно, что и желающих быть колонами становилось меньше, особенно после реформы 212 г., когда значительно облегчилась возможность миграции в провинции, где имелись свободные необработываемые государственные земли.

Проблема эксплуатации свободного гражданина в дополнение к труду рабов стала важнейшей в оформлении производственных отношений в гражданском праве. Именно это обстоятельство и выдвинуло к началу III в. виднейших юристов Ульпиана, Папиниана, Гая, Каллистрата.

Правили императоры, но *оформляли законы юристы*, которые одновременно были должностными лицами. Законодательство было действительно, касалось мельчайших случаев юридической практики. Юристы разрабатывали право казуистически, регулируя в рамках теории все случаи, встречающиеся в жизни. Эти знаменитые юристы, согласно своей теории, стремились создать такое общество, где все производственные, товарные и семейные отношения должны оформляться только на основе свободной договоренности равноправных граждан²². Социально-экономические конфликты разрешались в империи на основании римского права, которое вело к обогащению одних и к лишению всех средств к существованию у других. Как в дальнейшем эксплуатировать свободных бедняков, если сохранять законодательство права Ульпиана, Папиниана и Гая (особенно на западе, где товарные отношения были более развиты)? Это стало неразрешимой проблемой. Ведь созданные богатства в условиях античности не влекли вложений капиталов для создания производственных предприятий, и вместе с тем было мало потребностей использовать *locatio operatum* — наемный труд. Поэтому попытки юристов-теоретиков оформить нечто подобное капиталистическим формам эксплуатации вносили непреодолимые для того времени противоречия. К. Маркс по иному поводу отмечал: «...события, поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, привели к совершенно разным результатам» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 121). В известном смысле это замечание К. Маркса приложимо к ситуации III в. в Римской империи. Разорение мелких собственников в новое время привело к капитализму, иные отношения сложились в Риме в III в.

Доконстантиновское римское право, столь удачно применившееся при Наполеоне, оказалось неприемлемым в III в., когда частная рабовладельческая собственность была диалектически связана с регулированием рабовладельческим государством и специфическими целями потребления прибавочного продукта, состоянием производительных сил, созданных на базе рабовладельческого общества, надстроечных элементов античной религии и этики. Крупное производство в условиях того времени было невозможно при тех орудиях труда, которые соответствовали только мелкому частному производству, бывшему опорой древнего римского государства.

Римское право, основанное на свободе предпринимательства и роли денежного хозяйства, способствовало гибели мелкого самостоятельного хозяйства. Восстановить его в условиях перехода основного средства производства — земли в собственность крупных рабовладельцев можно было только в форме зависимого мелкого хозяйства, путем внеэкономического давления, путем оформленного государством закрепощения, необходимо было объединить формально невозможное для римского частного права — личную зависимость и самостоятельное ведение хозяйства, т. е. сравнять аренду с пекулием, свободного с рабом. В III в. уже начались эти поиски в жизненной практике. Эти поиски были тогда незаконны. Но поскольку это было в интересах господствующего класса, незаконное стало законным в IV в. Незаконные действия знати особенно тяжело отзывались в среде мелких деревенских собственников.

Стремление к самостоятельному хозяйству соединялось со стремлением к протесту против государственной и городской концентрации доходов населения. Этим можно объяснить возникновение движения багаудов — свободных мелких производителей, имевшего прогрессивное значение, так как багауды боролись за самостоятельное хозяйствование, в основном необходимое для будущего процесса феодализации (создавалась предфеодалная община), но движение это было пока несвоевременно, поскольку силы рабовладельческого класса еще не были сломлены, а рабовладельческий способ производства не исчерпал себя. Первые выступления багаудов противоречили интересам всего общественного строя, единству империи и были подавлены.

* *
* *

Но важнейшей социально-политической проблемой в III в. по-прежнему оставалась старинная политика концентрации доходов империи в Риме²³. Римское гражданство уже было гражданством не города Рима, а Римской империи, между тем город Рим рассматривался в фискальном отношении по-прежнему как полис-государство. В III в. это было уже анахронизмом. Безусловно, население Рима, особенно римский люмпен-пролетариат и ростовщики, все окружение императора было заинтересовано в сохранении такого преимущества города. Но уже никто из горожан империи не считал тогда себя «завоеванным», а горожане Рима все еще находились как будто на положении «завоевателей». Такая политика стала ненавистой для провинций. В источниках самым злобным образом перечислялись формы расходования правительственных доходов²⁴, которые ничего общего не имели с потребностями государства — безумная роскошь, дорогие удовольствия, ненужные подачки солдатам-преторианцам или ставленникам императора. Против политики концентрации богатств в столице выступали даже сенаторы, поскольку их состав уже давно, особенно с конца II в. провинциализировался. Выступала и средняя муниципальная знать, поскольку большая часть прибавочного продукта от труда рабов и арендаторов не использовалась на местах,

отправлялась в Рим на роскошь и прихоти императора. Солдатские волнения (помимо того, что были тенденции создания военного класса «внутренних завоевателей») фактически связаны были с интересами отдельных провинций в вопросе о распределении доходов фиска. Во второй половине III в. целые провинции (Галлия, Испания, Паннония, Палестина и Сирия) стали оспаривать правомочность такого ограбления провинций, что привело к тяжелым сепаратистским тенденциям и даже формальному отделению провинций от империи, к восстаниям местных легионов и знати, которые были подавлены с большим напряжением всех сил империи. Но к концу III в. проблема управления империей полностью сосредоточивалась вокруг императорской власти. Республиканские пережитки уже не имели влияния. *Кризис III в. был и кризисом старой политики Римской империи как государства-полиса вокруг Рима и тех правовых порядков, которые теоретически возникли на базе полисной демократии и препятствовали закономерному развитию общественного строя.*

* * *

853020
Кризисные явления наблюдались остро и в идеологии. Религия была особой формой общности населения. В этом отношении религиозные общины сделались как бы некоторым подобием демократии, потому что все старинные формы демократии низов были подавлены. Объединяя рабовладельческий класс всей ойкумены, Римская империя объединяла и различные местные культы, притом вводя обязательными для всех культ Рима, культ императора, а для частных «фамилий» — культ гения господина.

Греко-римская олимпийская религия, будучи сгустком самых различных влияний, при своем политеизме могла удовлетворять своими обрядами, общением различные слои античного общества и даже оказывать влияние на этику. Эта религия отражала традиции античного полиса, была аристократична в своей организационной структуре и в своем понимании основывалась на достижениях художественной литературы и философии. Олимпийская религия не имела догматов, священной литературы и богословия как отрасли античных наук, не было обязательного, закрепленного в письменности ритуала. Развиваясь в городской общине, религия приобрела специфические особенности в деревне. Поскольку политеизм был связан с олицетворением сил природы, в деревенском населении утвердились обряды, связанные с природными явлениями, и деревня крепко держалась старинных верований. Но эти культы вносили пестроту в мифологию, иногда отражая враждебные господствующим направлениям мотивы. В связи с культом императоров олимпийская религия потеряла свои полисные традиции, начались поиски более глубоких религий, более эмоциональных и связанных с разрешением проблем новой нравственности, когда распространилось всеобщее гражданство, когда требовалась от непосредственного производителя хозяйственная самостоятельность, со-

единенная с признанием установленных порядков, терпения и подчинения власти господина и государства.

В поисках новых религиозных связей привлекались культы религий Востока; в понятие божества вводилась абстрактная человеческая личность, стремящаяся к совершенству в следовании религиозным нормам морали.

Особенно уверенно и оппозиционно выступало разрастающееся движение христианства. Правда, оно не выдвигало лозунгов против Римского государства, не требовало ликвидации рабства, но было направлено против всех моральных устоев античного строя. Самые радикальные высказывания доходили до требования общей собственности, обязательного труда для всех, распределения по потребности, социального переворота в пользу «последних», выносились эсхатологические проклятия в адрес «нового Вавилона», Рима (Lactantius. *De mortibus persecutorum*, VI, 18).

Поиски новых религиозных связей населения вызвали мероприятия со стороны императоров III в., которые стали все решительнее проводить политику борьбы за единство идеологии общества путем принудительного сохранения олимпийской религии и усиленного преследования чужих религий, особенно раннего христианства. В III в. наблюдается стремление повысить роль религии в регулировании общественной жизни и укрепить организационное единство как разъединенных социальными противоречиями христиан (власть епископа), так и, с другой стороны, придать олимпийской религии стройность в почти «богословском» философском труде Плотина. Выдвижение на авансцену религиозной мысли является показателем кризиса в отношениях общества к объективной действительности.

* * *

Внешняя опасность со стороны варваров обострилась. Оборонительная тактика защиты границ провалилась. Повсюду *лимес* прорывался варварскими племенами, которыми захватывались даже целые области. Тогда римляне сменили тактику — стали переходить в наступление. Императоры еще обладали хорошо организованными легионами, которые, хотя и включались во внутреннюю классовую борьбу, но в отношении к варварам оказывались едиными в «освободительной войне» против «захватчиков-варваров» и одерживали над ними блестящие победы.

Идеология провиденциальной власти Рима над ойкуменой, экономические интересы империи еще были действенны, так что даже в самые тяжелые для единства империи исторические ситуации вызывали энергию для противодействия. Территориальное единство империи (за исключением Дакии) сохранилось. Военная опасность, столь повлиявшая на остроту кризиса III в., в то же время повлияла противоречиво и на преодоление кризиса. Победы над вторгшимися варварами доставили массу пленных, которым предоставлялось жить в организационных поселениях под начальством римских правителей.

Римляне были в восторге от удачи такого опыта: «Уже варвары для нас пашут земли, несут для нас как бы рабскую службу и в то же время сражаются за нас против внутренних германских племен». Это в некоторой степени укрепило положение империи. Создалось даже особое представление о важности борьбы против варваров: когда все варвары подчинятся Риму, то не нужно будет облагать население налогами и наступит «золотой век»! Отсюда следовало, что все должны стоять за сильную военную императорскую власть. Борьба с варварами укрепила римский «патриотизм» и в то же время повлияла на поиски такой формы эксплуатации, когда формально свободный земледелец будет прочно связан со своим участком, оставаясь под властью господина, и в то же время самостоятельно и заинтересованно работать как в свою пользу, так и в пользу собственника земли. Такие поиски стали проводиться для укрепления доходов рабовладельцев и для сохранения рабовладельческой собственности на новых *экономических и правовых положениях*.

* * *

Конец III в. и был концом кризиса III в., началом государственного оформления всех поисков новых форм эксплуатации населения, веком, когда классическое римское право превратилось в «вульгарное», оформляющее все вводимые жизнью новые формы управления хозяйством. Тогда пришел конец и олимпийской религии, которая заменилась, с одной стороны, самой полной автократией императора и, с другой — фактической автократией церкви, когда социальные движения стали разворачиваться в форме религиозной борьбы и когда варварский мир стал вовлекаться в проблемы империи. Тогда и начался заключительный этап рабовладельческой формации, продолжавшийся два века общий кризис рабовладельческого строя с характерным для этого этапа стремлением рабовладельцев сохранить за собой полную власть над обществом, реставрируя все строгие законы о рабах, доходы от труда которых уже стали отходить на второй план. Законы о рабах стали перемешиваться с законами о колонах. Рабство еще давало определенные выгоды и в городах, и в поместьях последующих времен. Конец рабовладельческого строя был связан с перемещением собственности и с уходом со сцены рабовладельческого господствующего в государстве класса, что может быть отнесено к концу V в. на Западе и к началу VII в. в Византии.

* * *

Таким образом, кризис III в. не был еще кризисом рабовладельческого строя в целом. Важнейшая составная рабовладельческого способа производства — рабский труд — в значительной части Римской империи продолжала сохранять свою роль²⁵. Всеобщий развал стабильности в империи в III в. был порожден продолжением традиционной римской политики управления как полисом-государст-

вом и концентрации богатств в Риме, несмотря на изменения в социальной структуре империи. Эта политика вызвала серьезное перенапряжение материальных сил, особенно в среде мелких и средних собственников, в большинстве своем оказавшихся в зависимости от крупных владельцев. Получившие в IV—V вв. правовое оформление и потому прочно утверждавшиеся различные формы эксплуатации содержали элементы новых производственных отношений и стали альтернативой рабству, что означало уже подлинный кризис рабовладельческого способа производства, который привел в конечном счете к краху рабовладельческого строя в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Е. М. Штаерман. Кризис III в. в Римской империи.— ВИ, 1977, № 5, с. 142—156; Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи. М., 1971; В. И. Кузицин. Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э.—I в. н. э. М., 1974; А. И. Павловская. К вопросу о рентабельности труда рабов и колоннов.— ВДИ, 1977, № 1.

² Воспользуемся аналогией с современностью. Настоящий непреодолимый кризис мирового капитализма начался только тогда, когда после Великой Октябрьской социалистической революции блестящие успехи нового строя показали на практике единственно возможный выход из тех противоречий, которые были связаны с капитализмом имманентно.

³ Вопрос об отделении города от деревни или деревни от города не существовал в античном мире. Сельская община в результате влияния культур Востока трансформировалась в городскую. Но этот закономерный процесс не был одновременным и зависел от географического положения и внешних связей. Чем больше становилось рабов и чем ценнее делался их труд, тем необходимее была полисная организация свободного населения. «Если для античности исходным пунктом служил город и его небольшая округа, то для средневековья исходным пунктом служила деревня» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 22).

⁴ Ужасающее влияние частной собственности понимали философы, связанные с практикой Римской империи. Так, Сенека, идеализируя общинный архаический быт, писал: «Они сообща владели природой, а у той, как матери, довольно было сил всех опекать, позволяя всем безопасно пользоваться общими богатствами. В этот порядок ворвалась жадность и, желая отделить, присвоить хоть что-то... принесла с собою бедность... (Письмо 90 к Люцилию. 90, 38); «Скажи мне, что общего со свободой имеют эти блюющие натошак толстяки с ожиревшим телом и отощавшей, одряхлевшей душой?» (Там же, 88, 19).

⁵ В статье используется термин «концентрация». Латинский язык не знает слова *concentratio*; в истории под концентрацией обычно понимается объединение капиталов, земель частными собственниками. Этим же термином можно назвать политику объединения богатств всей Римской империи вокруг столицы — Рима, вместо часто употребляемых «сильная власть давала возможность перекачивать в Рим богатства провинций» или «Рим все еще высасывал из провинций богатства» (Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя..., с. 308). В отношении римской политики — направления богатств в Рим как *центр* страны — термин «концентрация» точнее отражает сущность политики Рима.

⁶ Пример предпринимательства дает Сенека в лице Корнелия Сенeciана: «...он пробыл своими силами, начав с малого, подошел вплотную к богатству — умение приобретать и беречь... из них можно сделать любого богачом. Он, пускавший деньги в оборот по морю и по суше и не оставивший ни одного источника прибыли... умер...» (Сенека. Письмо к Люцилию. 101, 1, 2).

⁷ Римская деревня, разумеется, не походила на германскую с ее родо-племенными

пережитками. Но нельзя преувеличить эту разницу, если это касается территории Римской империи, где господствовала частная собственность. А. Р. Корсунский (ВДИ, 1977, № 1 в статье «О деревенском устройстве и системе землепользования») особенно оттеняет отсутствие альменды в римских деревнях. Но ведь без *ager compascuus* вообще не могло существовать сельское хозяйство в деревне. Разница только в оформлении приобретения: в римской деревне участок покупали *vicini*, а по Салической Правде даже захватывали кровавым завоеванием. И те и другие были собственниками альменды, одни по правилам *societas-collegia*, другие не допускали чужаков по статье *de migrantibus* — нужно получить от соседей согласие на пользование травой, водою и дорогою...

⁸ Но тенденции к необходимости знания латинского языка имелись. Так, император Клавдий лишил знатного грека прав римского гражданства за незнание латинского языка. Писавший об этом Светоний (Клавд., 16) уже в начале II в. этот поступок считал необычным.

⁹ *Pax Romana* — см.: М. Я. Сюзюмов. Закономерный переход к феодальному строю и синтез. — АДСВ, вып. 12. Свердловск, 1975, с. 31—40.

¹⁰ Попытка Домициана отстоять противоречивое единство города и империи, по Г. С. Кнабе, фактически означала не просто требование придерживаться «консервативной римской идеологической и моральной базы», а проводить концентрацию доходов в Рим в противоречивом единстве с провинцией. Мятеж 97 г. правильно характеризуется как отдаленное предвестие кризиса III в. (Г. С. Кнабе. Спорные вопросы биографии Тацита. — ВДИ, 1977, № 1, с. 138).

¹¹ Характерно, что по римскому праву как *locatio-conductio*, так и по *emptio-venditio*, социальный статус ни продавца, ни покупателя, ни локатора, ни кондуктора не менялся (Диг. 19, 2, 2). Таким образом, можно было эксплуатировать свободного гражданина. Отмечается, что при локацио-кондицио собственность остается. (Диг. 19, 2, 39).

¹² См.: Г. Г. Диллигенский. Проблема теории человеческих потребностей. — «Вопросы философии», 1976, № 9, 1977, № 2.

¹³ Разнообразные виды использования рабов привели к различным положениям раба перед судом. В случае жалобы раба на нанесенную ему обиду посторонними лицами, по Ульпиану (Диг. 47, 10, 15, 44), следует отличать положение раба, был ли он *boni frugis, ordinarius, dispensator-aut-vulgaris vel mediastinus*... Раб-ординатор мог выступать как самостоятельный владелец в отношении своих викариев-рабов (Ульпиан, Диг. 15, 1, 17).

¹⁴ Изобретательство в процессе практики — это тезис Сенеки против Посидония, который считает, что все изобретения, нужные в практике, изобретаются «мудрецами». Сенека, наоборот, считает, что все эти изобретения — дело работников: «...как будто сейчас земледельцы не придумывают много новых способов увеличить плодородие» (Письмо к Люцилию. 90, 2).

¹⁵ Эта мысль проводится в Н. А. повсеместно. Например Коммод обвинялся за то, что он фактически прекратил войну с варварами (Ист. Авг., Комм. 14, 3).

¹⁶ Раб мог и самостоятельно вести судебный иск (*qui de statu suo litigant*) (Ульпиан, Диг. 3, 3, 33, 1).

¹⁷ При Галлиене предпринимались некоторые ограничения своеволия агентов фиска при налогообложении (КЮ, 4, 62, 36; 7, 73, 7) в интересах мелких и средних землевладельцев.

¹⁸ Так, при Галлиене наметились определенные стремления оживить городские организации мелких собственников и ремесленников. На праздниках выступали коллеги со своими знаменами (Ист. Авг., Галлиен вт. 8, 6).

¹⁹ В начале III в. крестьяне даже лишались права самостоятельно продавать хлеб на рынках и должны были передавать его для продажи купцам (так как это освобождает крестьян для производства анноны!) (Каллистрат, Диг. 50, 11, 2).

²⁰ Ульпиан, Диг. 43, 32, 1, 4; Павел 19, 2, 55, 2; КЮ, 4, 65, 3 — эдикт Каракаллы 214 г. Подробно см.: *The O Mayer-Maly. Locatio-conductio. Vien — München. 1956, S. 216.*

²¹ В конституции Анастасия, наоборот, отмечалось, что запрещение арендатору покидать участок после срока аренды 30 лет было «выгодно и господину и земледельцу» (КЮ, 11, 48, 19). В процессе поисков выхода из кризиса это было единственной альтернативой для арендатора — стать крепостным в относительно мягких условиях.

²² Ф. Энгельс отмечал по этому поводу: «Что же касается другой разновидности идеологов — юристов,— то они были в восторге от новых порядков, потому что стирание всех сословных различий позволяло им разрабатывать во всю ширь излюбленное частное право...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 312. Аналогии с капитализмом: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. 2, с. 349—350).

²³ «До каких пор целый народ будет снимать для нас урожай? до каких пор для одного будут приплывать бесчисленные корабли из разных стран?» (Сенека, письмо 60, 2). С какой злобой Лампридий в биографии Гелиогабала перечисляет в 24 главах все дикие виды роскоши, которые использовал император из доходов государства и повинностей населения разных стран (Ист. Ауг. Антонин Гелиогабал, XIX—XXXIII).

²⁴ В биографии императора Проба (Ист. Авг. Проб, 15, 2), 278 г.

²⁵ См.: Е. М. Штаерман, В. М. Смирин, Н. Н. Белова, Ю. К. Колосовская. Рабство в Западных провинциях Римской империи в I—III вв. М., 1977, с. 37, 119, 148, 190 и др.